

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ

НА ПУТИ К НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ВЫПУСК IV

**Методология дополнителъности: синтез рациональных
и внерациональных методов и приемов исследования**

Сборник статей по материалам 4-й сессии постоянно
действующего всероссийского семинара

“Методология науки” 16-17 мая 2000 г.

Издательство Томского университета

2000

долг "видит" науку в социокультурном контексте, и учет субъективных факторов с развитием знания будет усиливаться.

Одна из главных частей мировоззрения как методологии – знание конкретной области исследования. Эффективность исследования работы зависит от широты кругозора, общей культуры исследователя. "Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих представлениях, так называемых принципах, из которых он может вывести следствия" [1. 5].

Узкая специализация современного исследователя имеет свои плюсы и минусы, позволяющие достичь определенных результатов в разработке отдельных вопросов, но определенным образом и приводящие к творческому тупику.

Методология как мировоззрение предполагает ответственность за деятельность, к примеру, представления о пагубных воздействиях на окружающую среду не стали еще внутренним убеждением каждого отдельного человека, нравственной нормой, поведением, и последствия очевидны. Но сама наука не может и не должна отвечать за различного рода кризисы, это ответственность и компетентность социальных институтов.

Соотношение естественнонаучного и гуманитарного знания включает в методологию методы, учитывающие социокультурные аспекты и человеческий фактор, но социальная природа познания не исчерпывает его сущности. Когнитивная компонента в науке является доминирующей, и задача методологии в том, чтобы показать деятельность по получению истинного знания о мире.

Литература

1. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.

В.А.Ладов (Томск)

Спор вокруг "загадки тождества" в аналитической философии

"Загадкой тождества" [the puzzle over identity] некоторые современные аналитики [1. 384] называют ту проблему, которую впервые сформулировал Г. Фреге в своей, ставшей знаменитой, статье "О смысле и значении" [2]. Эта проблема может быть представлена следующим образом. Предположим, что a и b - имена одного и того же предмета в мире. Как тогда объяснить тот факт, что мы различаем выражения $a = a$ и $a = b$? Выражение $a = a$ является тавтологией и не содержит в себе никакой информации, кроме утверждения логического закона тождества предмета самому себе. Выражение $a = b$ явно отлично от предыдущего. Оно призвано к тому, чтобы нести новую информацию о предмете мира. Причем если бы различие между выражениями сводилось только к различию между знаками, то $a = b$ также было бы не информативно. Здесь роль бы играл только способ обозначения, зависимый от произвольно применяемой системы знаков. Следовательно, делает вывод Фреге, информативная новизна $a = b$ состоит в том, что это выражение

указывает новый способ мыслительной интерпретации, понимания предмета, предмет а может быть понят в качестве *b*. Эту мыслительную интерпретацию задает, по Фреге, не "голый" знак, а специфический "медиальный" элемент в познании - смысл.

Введение этого нового эпистемологического элемента объясняет также распространенное явление принятия истинности первого выражения и не принятия второго в так называемых косвенных контекстах. Я вполне убежден, что Венера - это Венера, т. е. что предмет, обозначенный этим именем, тождествен самому себе, но я могу не верить, что Венера - это Вечерняя звезда. Причем я не принимаю последнего утверждения не в силу чисто знакового отличия имен "Венера" и "Вечерняя звезда", а именно в силу той "информационной" нагрузки, которую несет последнее имя. Я не верю в то, что Венера - это Вечерняя звезда, потому что я обычно видел эту планету на небосклоне по утрам.

Смысл имени, по Фреге, задают развернутые описания, которые приписывают предмету некоторые свойства. Через выражение "Вечерняя звезда" предмет, обозначаемый собственным именем "Венера", получает определенный смысл. Таким образом, "Фреге, как кажется, удерживал что-то подобное той точке зрения, что каждое собственное имя является 'свернутой' [truncated] дескрипцией" [1.386]. Эта дескрипция имеет значение - тот предмет, о котором идет речь, и смысл - определенный способ интерпретации, понимания этого предмета.

Рассел не принял фрегеанской семантики. Он посчитал, что проблемы, подобные "загадке тождества", могут быть разрешены с помощью более простого концептуального аппарата. Чтобы избежать введения "лишней сущности" - смысла и вместе с тем разрешить фрегеанскую проблему, Рассел провозгласил определенные дескрипции - так он назвал те структуры, которые, по Фреге, задают смысл предмета неполными символами [incomplete symbols]. Эти символы вообще семантически "пусты" вне определенного контекста употребления: "Центральная позиция теории дескрипций состояла в том, что некоторая фраза может делать вклад в значение предложения без того, чтобы она вообще имела какое-либо значение в изоляции" [1.387]. В контексте определенные дескрипции могут занимать места полных символов - собственных имен и так же "прямо", вне какой-либо медиальной структуры указывать на предмет. Таким образом, "загадка тождества" превращается в псевдопроблему: вне контекста, в изоляции невозможно решать вопрос об информативности $a = b$.

Первые свое известное доказательство "семантической пустоты" определенных дескрипций Рассел вместе с Уайтхедом сформулировали в "Principia Mathematica": "Так все фразы (отличные от пропозиций), содержащие слово 'the' являются неполными символами: они имеют значение в употреблении, но не в изоляции. 'Автор Веверлея' не может обозначать то же самое, что и 'Скотт', так как ..." [3.67]. Эта цитата приведена не полностью ввиду того, что искомое доказательство здесь имело несколько громоздкую форму. Представляется, что более ясно и лаконично Расселу удалось сформулировать это доказательство гораздо позднее, в работе "Мое философское развитие": "[1] Если бы 'автор Веверлея' обозначало [meant] что-то другое, нежели 'Скотт', то 'Скотт' является автором Веверлея' должно было быть ложью, но это не так. [2] Если бы 'автор Веверлея' обозначало [meant] 'Скотт', то 'Скотт' является автором Веверлея' было бы тавтологией, но это

не так. Следовательно, 'автор Веверлея' не обозначает ни [means neither] 'Скотт' ни что-либо еще - т. е. 'автор Веверлея' не обозначает ничего" [4.85].

Представляется, что данное доказательство содержит весьма курьезный, каким он всегда и бывает, *circulus vitiosus*: ставя своей задачей преодоление фрегеанской семантики, Рассел сам, латентным образом, использует фрегеанское различие смысла - значения в своей аргументации. На это не преминули указать мыслители, в большей или меньшей степени разделяющие взгляды Фреге: У. Куайн [5], П. Строссон [6], А. Уайт [7] и др.

Ошибку можно заметить в том, что Рассел, в процессе своего доказательства, использует термин "обозначать" [to mean] различным образом: в одном случае имея в виду фрегеанский "Sinn", а в другом "Bedeutung". Наиболее лаконично критическая по отношению к Расселу аргументация может быть выстроена следующим образом. Если "meaning" использовать как "Bedeutung", то в первой расселовской посылке предложение "Скотт является автором Веверлея" действительно должно быть ложным (так как два выражения в данном случае обозначают различные предметы в мире), и Рассел не имел права говорить, что это не так; вместе с тем Рассел прав во второй посылке, когда говорит, что "Скотт является автором Веверлея" не является тавтологией (так как два выражения с одним и тем же "Bedeutung", образуя элементарное предложение, могут не производить тавтологии). Если же "meaning" использовать как "Sinn", то Рассел прав в первой посылке: обсуждаемое предложение действительно не является ложным (так как два выражения с различными "Sinn", образуя элементарное предложение, могут не вызывать его ложности), но зато он не имеет права сказать во второй посылке, что это предложение не тавтология (так как два выражения с одним и тем же "Sinn", образуя элементарное предложение, с необходимостью производят тавтологию). В итоге доказательство Рассела может выглядеть "внешне" последовательным только тогда, когда в первой посылке под "meaning" подразумевается "Sinn", а во второй под "meaning" подразумевается "Bedeutung".

Делая выводы из данного недоразумения, можно предположить, что фрегеанский "Sinn" вовсе не является той "лишней сущностью", которую Рассел собирался удалить из логико-лингвистического анализа в соответствии с принципом "бритвы Оккама", и исконое решение "загадки тождества" не обойдется без более сложной, но адекватной лингвистическим фактам, фрегеанской семантики.

Литература

1. Carney J. D., Fitch G.W. Can Russell Avoid Frege's Sense? // *Mind*. vol. LXXXVIII. №31. 1979. P.384-393.
2. Frege G. *Über Sinn und Bedeutung* // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 100. 1892. S. 25-50.
3. Russell B., Whitehead A. *Principia Mathematica*. Cambridge: University Press, 1902.
4. Russell B. *My Philosophical Development*. New York: Simon and Schuster, 1959.
5. Quine W. V. *Russell's Ontological Development* // *Bertran Russell*. New York: Anchor Books, 1972. P.290-304.
6. Strawson P. F. *On Referring* // *Mind*. vol. XLIX. 1950.
7. White A. R. *The "Meaning" of Russell's Theory of Descriptions* // *Analysis*. XX. 1959. P.8-17.